

И.О. Щедрина, К.А. Боженок*

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ЭКОСЕМИОТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: НАРРАТИВНАЯ И КОММЕМОРАТИВНАЯ СТРАТЕГИИ**

Статья посвящена эпистемологическому анализу современных экосемиотических и эколлингвистических дисциплин, находящихся на пересечении гуманитарного и естественнонаучного познания. Авторы полагают, что экология как междисциплинарная область знания, направленная на достижение конкретных практических результатов, нуждается не только в биологических и химических экспериментах и экспертизах, но и в социально-гуманитарных исследованиях, связанных со смыслообразованием, сохранением и трансляцией исторической экологической памяти и нарратива (повествования): экосемиотике, экологической истории, эконарратологии. В рамках этих исследований приобретает предметную определенность отношение «историческая экологическая память – нарратив», которое выражается в воспоминаниях, дневниках наблюдений, архивах. Авторы выявляют методологическую эффективность нарративной и коммеморативной методологических стратегий в экологическом контексте, обосновывая междисциплинарный характер экосемиотического направления и уточняя границы применения этих стратегий.

Ключевые слова: экология, экосемиотика, нарратив, историческая память, ландшафт, экосистема, междисциплинарность

Interdisciplinarity in ecosemiotik research: narrative and commemorative strategies. IRINA O. SHCHEDRINA, KIRILL A. BOZHENOK (State Academic University for the Humanities)

The article is devoted to the epistemological analysis of modern ecosemiotics and ecolinguistics, which lay at the intersection of the humanities and natural sciences. The authors believe that ecology, as an interdisciplinary field of knowledge aimed at achieving specific practical results, requires not only biological and chemical experiments and expertise, but also various research in social sciences and humanities devoted to the formation of meaning, preservation and transmission of historical ecological memory and narrative, that is ecosemiotics, ecological history, econarratology. The authors reveal the methodological effectiveness of narrative and commemorative methodological strategies in the ecological context,

* ЩЕДРИНА Ирина Олеговна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры истории философии философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук.

E-mail: echiscar@yandex.ru

БОЖЕНОК Кирилл Александрович, студент философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук.

E-mail: kirikus98@gmail.com

© Щедрина И.О., Боженок К.А., 2022

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук. Проект МК-4824.2022.2 «Историческая память и нарратив: экологические контексты».

substantiating the interdisciplinary nature of the ecosemiotics and clarifying the boundaries of the application of these strategies.

Keywords: ecology, ecosemiotics, narrative, historical memory, landscape, ecosystem, interdisciplinarity

Начиная с середины прошлого столетия экологическая проблематика перестала находиться в ведении исключительно естественных наук, поскольку внутри нее все сильнее стали звучать социально-гуманитарные смыслы. В самом деле, сфера экологической проблематики уже не исчерпывалась составлением биологических, химических, геологических прогнозов. Наука стала понимать, что исследование рисков техногенной цивилизации должно учитывать человекообразность экологических систем, их исключительно социобиологический статус [1]. Вот почему исследователи, работающие с экологической проблематикой, стремящиеся рационализировать природопользование и выявить технологические риски внедрения инноваций, все чаще обращаются к знаково-семиотическим и культурно-историческим подходам. О необходимости философского и гуманитарно-научного осмысления проблем, связанных со взаимодействиями такого типа, на базе биологии говорит У.С. Струговщикова: «Биосемиотика может помочь в решении проблем коммуникации, позволяя увидеть опосредующие связи, создающие глобальные экологические сети. Контакт человека с природой, с растениями – это процесс коммуникации, и фитосемиотика – один из инструментов для контакта с растениями, которые создают свой собственный семиотический язык, язык, с которым мы стараемся войти в коммуникацию» [3, с. 129]. Такой поворот к междисциплинарности позволяет взглянуть на предлагаемые экологические проекты в новых ракурсах, дает возможность просчитать возможные риски, а самое главное – сформировать эффективное экологически-ответственное отношение к окружающему миру у последующего поколения.

Просветительские функции экологии реализуются как раз в культивировании такого отношения к миру (в том числе и к миру культуры!), когда необходимо не только формулировать общие правила экологического поведения, не только описывать произошедшие экологические катастрофы, но и формировать персонально-личностное, культурно-историче-

ски ориентированное экологическое сознание. Для решения этой проблемы необходимо, чтобы разработка научного экологического знания опиралась на методологические стратегии, ориентированные когнитивным потенциалом нарратива и исторической памяти.

Экологи (и ученые-практики, и теоретики) обратили внимание на функциональные возможности, которые предоставляют нарратив и историческая память. Возникают новые научно-гуманитарные сообщества (например, Ассоциация изучения литературы и окружающей среды) и периодические издания («Междисциплинарные исследования в области литературы и окружающей среды», «Экологическая история», «Экологические гуманитарные науки», «Окружающая среда и история» и т.д.). Появляются такие научные направления, как экологическая история, экосемиотика, экогерменевтика, экокритицизм. В каждом из них, так или иначе, происходит обращение к нарративной и коммеморативной методологическим стратегиям, что позволяет персонализировать «общую» проблему экологии, сделать ее личной для каждого; это особенно важно, поскольку таким образом в новом свете предстает одна из ключевых задач современности – образование и формирование экологического сознания, буквально – ценностный, образовательный аспекты. В едином поле оказываются окружающая среда, мир, культура и человек. То, что пронизывает эту общую сферу взаимодействия, не только на географическом, пространственном уровне, но и на культурном уровне, – смыслы. Культура и смыслы оказываются в положении коррелятов, когда речь заходит об экологии, и способ выражения их – нарратив и история, память (см.: [8; 14; 15]).

Так, междисциплинарный характер экосемиотики обеспечивает широкую сферу применения нарративных и коммеморативных стратегий, причем как на фундаментальном, так и на прикладном уровнях. Темы нарратива и памяти, таким образом, обретают новые грани в контексте знаково-семиотического и культурно-исторического подходов к экосемиотике. Первый –

потому, что экосемиотика, раскрываемая в стратегиях нарратива и коммеморации, является областью семиотики как таковой; второй – поскольку сохранение и дальнейшая трансляция уже полученных экологических смыслов осуществляется именно в культурно-историческом ключе, причем на базе как естественных, так и искусственных экосистем. Более того, область соотношения двух этих типов экосистем – отдельная область исследований, которая требует широкого междисциплинарного плана – от философии культуры до ландшафтного дизайна: «В контексте экологических технологий это можно интерпретировать как создание коалиции с экологической сетью экосистемы, частью которой является конкретная культура, способствующая выполнению функций устойчивости. В этом случае экосистемные процессы принимаются на некую метамодель технологического дизайна, а экологический подход можно определить как биомиметический» [3, с. 129–130].

Впервые термин «экосемиотика» был введен В. Нётом в 1996 г. [11]. Экосемиотика – относительно молодая дисциплина, связывающая экологию с семиотикой, антропологией и «зеленой» экономикой. В данном случае фундаментом становится функционирование знаков в культуре, как во взаимосвязи с другими живыми существами, так и в контексте работы на уровне сообществ и ландшафтов. Взаимодействие и процесс коммуникации, а также все, что с этим связано (средства, способы передачи опыта, варианты интерпретаций), также оказываются в общих методологических разработках. Авторы одной из ключевых статей по экосемиотике Тимо Маран и Калеви Кулл выделяют восемь принципов экосемиотики¹:

Структура экологических сообществ основана на семиотических связях;

Изменение знаков может изменить существующий порядок вещей. Живые организмы изменяют свою среду на основе собственных образов этой среды;

Семиозис регулирует экосистемы. Смыслообразование как стабилизирует, так и дестабилизирует их;

Человеческий символический семиозис (с его способностью к деконтекстуализации) и деградация окружающей среды тесно связаны между собой;

Энергетически и биогеохимически человеческая культура является частью экосистемы. Семиотически культура является частью и метауровнем семиотической экологической сети;

Окружающая среда как пространственно-временное проявление экосистемы функционирует как интерфейс семиотических и коммуникативных отношений;

Нарративное описание не подходит для описания экологического семиозиса;

Концепция культуры неполна без экологического измерения. Теория культуры неполна без экосемиотического аспекта.

В контексте данной статьи необходимо уточнить седьмой пункт: нарративное описание экологического события, по мысли Кулла и Марана, всегда метафорично. Оно может быть неизбежным как часть иконического моделирования экологических событий, однако «следует признать, что само нарративное описание (в том числе в науках и искусствах) является частью высокоуровневой интерпретации человека и имеет тенденцию порождать символизацию, когда возвращается в окружающую среду» [10, р. 46]. Фактически человек «вчитывает» и «вговаривает» смыслы в окружающую среду, в то время как на уровне базового взаимодействия в экосистеме присутствие нарратива – вопрос спорный (см. об этом подробнее: [5; 6; 9; 12]).

Неудивительно, что Кулл и Маран называют карты одним из основных объектов такого рода исследования. Исследователи приводят в пример методологические разработки А. Фарины, посвященные семиотическому изучению ландшафтов. Введенный им термин «экополе», связанный с понятием «жизненный мир» Я. фон Иксюля, подразумевает участок ландшафта, который позволяет обитателям поддерживать определенные виды жизнедеятельности – экологическое, интерференционное пространство, в котором действуют механизмы сбора энергии, ее концентрации, запасаения, сохранения и манипулирования ею [7]. Кулл и Маран предлагают расширить возможные варианты применения модели экополя, распространив ее также на пространство взаимодействия человека и природы.

Некоторые исследователи, однако, идут еще дальше: например, К. Уоткин подчеркивает значимость нарративной идентичности и биосемиотики для формирования нашего представления о т.н. «не-человеческом» мире (в данном случае подчеркивается не столько природный

¹ Примечательно, что эти принципы могут быть рассмотрены как один из вариантов развития теории семиосферы Ю.М. Лотмана.

(VS антропогенный), сколько именно не касающийся человека «non-human» статус пространства). По мнению Уоткина, это может дать возможность пересмотреть антропоцентрическое представление о нарративной идентичности в тот момент, когда решения наиболее важных глобальных вопросов должны все дальше выходить за рамки сугубо человеческого (и) культурного мира. Нарратив в данном случае выступает в качестве особой методологической стратегии, позволяющей транслировать память и опыт и, одновременно, излагать историю. Повествование, по своему определению, включает в себя элементы взаимодействия человека и экологии. Такого рода нарратив фигурирует как модель взаимодействия экологического и экзистенциального элементов в культуре, призванный обозначить методологию работы с экосистемой изнутри и снаружи, во избежание катастроф или же ради восстановления последствий. В таком случае на переднем плане оказывается исторический ракурс экологического события (быстрого, например, катастрофы, или же протяженного во времени, например, сукцессии). Ученые-гуманитарии осознают необходимость интеграции экологии и истории, причем истории как рассказа и истории как исторической памяти.

Так, Петер Сабо подчеркивает, что история является важной частью экологии [13]. По мысли ученого, история необходима для экологии в трех главных аспектах: потому что она помогает понять текущие закономерности и процессы в природе; потому что это способствует принятию более обоснованных управленческих и политических решений; потому что экология и охрана окружающей среды рассматриваются в более широком междисциплинарном контексте. Указанная междисциплинарность также становится плацдармом для привнесения новых смыслов в, казалось бы, привычные и устоявшиеся термины и понятия. Но если обратиться, например, к понятию ландшафта, поскольку оно является одним из ключевых понятий исторической экологии и обеспечивает общую платформу для исследования физической среды и деятельности человека, пишет Сабо, это создает свои собственные междисциплинарные трудности. Общего словарного запаса ученых зачастую недостаточно для достижения общего понимания; на самом деле одни и те же слова и выражения часто имеют разное значение в разных дисциплинах, что приводит

скорее к путанице, чем к сотрудничеству. Более того, ученые-естествоиспытатели и историки могут смотреть на один и тот же ландшафт, но при этом видеть порой диаметрально противоположные конфигурации и извлекать из того, что видят, разные уроки. Принципиально важным для междисциплинарного взаимодействия становится умение видеть общие смыслы и задавать общие вопросы (см. подробнее: [13, р. 384]). Особенно если речь идет об изначально семиотически-нагруженном пространстве экосистемы. В таком случае на помощь приходит нарративная стратегия.

Характерным примером экологического нарратива, совмещающего междисциплинарный характер экосемиотического исследования и гуманитарный пласт задач прикладного характера, является «Письмо заведующего лесопарком государственного музея-усадьбы “Ясная поляна” К.С. Семенова академику С.Г. Струмилину о проблемах охраны леса»: «Работаю скоро 4 месяца в Ясной поляне в качестве заведующего лесопарком и за это время вполне ясно выяснил себе темные и светлые стороны работы. Основная задача: восстановить леса заповедника и поддерживать их в таком состоянии, как они были в последние годы жизни Л.Н. Толстого. Конечно, лес не может сохраняться в неизменном виде, как какой-нибудь музейный объект, а потому постановка вопроса чрезвычайно усложнена и приходится комбинировать: с одной стороны, сохранение памятных деревьев и насаждений, посаженных Толстым, с другой стороны, принимать меры к созданию новых насаждений, повторяющих то, что было при Толстом. Работа сводится к проведению мер, сохраняющих жизнь старых деревьев, к оздоровлению лесов выборкой мертвого и больного, к рубкам, ведущим к созданию желательных насаждений, к новым посадкам и подсадкам деревьев. В то же время надо охранять лес от лесонарушителей и снабжать музеи и усадьбы топливом и деловым лесом. Работа сосредоточивается на небольшой территории около 300 га, но весьма разнообразна, требует разносторонних знаний и может быть сильно углублена» [2, с. 198–199]. Такой взгляд на работу, связанную одновременно с сугубо прикладными, экологическими задачами и с семиотическим содержанием, позволяет говорить и о важности исторической экологии. Это особая дисциплина, которая соотносится с уникальными географическими объектами и их историческим развитием. История как на-

ука ориентируется на конкретные места и события; исторические исследования поясняют, почему определенное место является особенным, почему оно, в сущности, может являться местом памяти. Экологическая история в данном случае – не исключение. Так, П. Сабо настаивает на приоритете в рамках экологической истории грамотного отношения, «увековечивания гения места», а не приведения ландшафта в соответствие тому образу и представлению, которое мы имеем о нем сейчас, с нынешним уровнем знаний. Тем более, что такая стратегия позволит сохранить те черты природного пространства, которые кажутся на первый взгляд аномальными; однако знание истории позволит исследователю осознать и принять неточность и недостаточность представления о работе изучаемой экосистемы (см. подробнее: [13, р. 383]). В определенном смысле историческая экология становится «музейной» экологией, в первую очередь – когда работа с природным участком переориентируется на создание заповедной зоны. Обращение к коммеморативной стратегии в таком ключе также может сориентировать исследование в сторону сохранения и самой системы, и знания о ней, и трансляции этого знания в нарративной форме следующим поколениям (как в случае с лесным массивом «Ясной Поляны»).

Индивидуальная память и опыт, выраженные в нарративе, направлены на сохранение экосистемы и, одновременно, оказывают воздействие на читающего, способствуя формированию экологического сознания. «В современных экосемиотических исследованиях обосновывается необходимость объединения культурной и биологической семиотики и важность изучения природной и социокультурной памяти, сохраняемой и передаваемой различным и естественными и конвенциональными знаковыми системами» [4, с. 100]. Таким образом, реализуется еще одна функция нарративной и коммеморативной стратегий в экосемиотике – образовательно-просветительская. На культурном уровне оказываются связаны не только представители одного поколения, но те, кто могут познакомиться с экологическими нарративами много лет спустя после их написания. Экосемиотика, в силу своей междисциплинарности, становится знаково-семиотическим и культурно-историческим плацдармом для того, чтобы акцентировать внимание на конкретном «человеке познающем» в сфере экологической культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилова М.И., Суховерхов А.В. Биологические и социальные основы эволюции языка и коммуникации: современные дискуссии // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 77–87.
2. Письмо заведующего лесопарком государственного музея-усадьбы «Ясная поляна» К.С. Семенова академику С.Г. Струмилину о проблемах охраны леса // Экология и власть. 1917–1990: документы. М.: МФД, 1999. С. 198–199.
3. Струговщикова У.С. «Зеленый» тренд становящейся культуры будущего // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 127–130.
4. Суховерхов А.В. Проблема соотношения языка и мышления в современной эколлингвистике и экосемиотике // Язык. Культура. Общество: сборник статей по материалам межвузовской научно-методической конференции, посвященной 85-летию образования кафедры иностранных языков. Краснодар: КубГАУ, 2016. С. 95–105.
5. Caracciolo, M., 2020. We-narrative and the challenges of nonhuman collectives. *Style*, Vol. 54, no. 1, pp. 86–97.
6. Caracciolo, M., Marcussen, M. and Rodriguez, D. eds., 2021. *Narrating nonhuman spaces: form, story, and experience beyond anthropocentrism*. New York: Routledge.
7. Farina, A. and Belgrano, A., 2006. The eco-field hypothesis: toward a cognitive landscape. *Landscape Ecology*, Vol. 21, no. 1, pp. 5–17.
8. Heersmink, R., 2020. Narrative niche construction: memory ecologies and distributed narrative identities. *Biology & Philosophy*, Vol. 35, article no. 53.
9. Herman, D., 2018. *Narratology beyond the human: storytelling and animal life*. New York: Oxford University Press.
10. Maran, T. and Kull, K., 2014. Ecossemiotics: main principles and current developments. *Geografiska Annaler. Series B, Human Geography*, Vol. 96, no. 1, pp. 41–50.
11. Nöth, W., 1996. Ökosemiotik. *Zeitschrift für Semiotik*, Vol. 18, no. 1, pp. 7–18.
12. Shang, B., 2022. Towards a theory of nonhuman narrative. *Neohelicon*. <https://doi.org/10.1007/s11059-022-00628-y>
13. Szabo, P., 2010. Why history matters in ecology: an interdisciplinary perspective. *Environmental Conservation*, Vol. 37, no. 4, pp. 380–387.
14. Watkin, Ch., 2015. Michel Serres' great story: from biosemiotics to econarratology. *SubStance*, Vol. 44, no. 3, pp. 171–187.

15. Zellmer, A.J., Allen, T.F.H. and Kesseboehmer, K., 2006. The nature of ecological complexity: a protocol for building the narrative. *Ecological Complexity*, Vol. 3, no. 3, pp. 171–182.

REFERENCES

1. Danilova, M.I. and Sukhoverkhov, A.V., 2015. Biologicheskie i sotsial'nye osnovy evolyutsii yazyka i kommunikatsii: sovremennye diskussii [The biological and social foundations of evolution of language and communication: current discussions], *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 77–87. (in Russ.)
2. Pis'mo zaveduyushchego lesoparkom gosudarstvennogo muzeya-usad'by «Yasnaya polyana» K.S. Semenova akademiku S.G. Strumilinu o problemakh okhrany lesa [A letter from the head of the forest park of the estate-museum «Yasnaya Polyana» K.S. Semenov to academician S.G. Strumilin about the problems of forest protection]. In: *Ekologiya i vlast'. 1917–1990: dokumenty*. Moskva: MFD, 1999, pp. 198–199. (in Russ.)
3. Strugovshchikova, U.S., 2021. «Zelenyi» trend stanoviyashchiesya kul'tury budushchego [«Green» trend of developing culture of future], *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 127–130. (in Russ.)
4. Sukhoverkhov, A.V., 2016. Problema sootnosheniya yazyka i myshleniya v sovremennoi ekolingvistike i ekosemiotike [The problem of correlation between language and thinking in modern ecolinguistics and ecosemiotics]. In: *Yazyk. Kul'tura. Obshchestvo: sbornik statei po materialam mezhvuzovskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu obrazovaniya kafedry inostrannykh yazykov*. Krasnodar: KubGAU, 2016, pp. 95–105. (in Russ.)
5. Caracciolo, M., 2020. We-narrative and the challenges of nonhuman collectives. *Style*, Vol. 54, no. 1, pp. 86–97.
6. Caracciolo, M., Marcussen, M. and Rodriguez, D. eds., 2021. *Narrating nonhuman spaces: form, story, and experience beyond anthropocentrism*. New York: Routledge.
7. Farina, A. and Belgrano, A., 2006. The eco-field hypothesis: toward a cognitive landscape. *Landscape Ecology*, Vol. 21, no. 1, pp. 5–17.
8. Heersmink, R., 2020. Narrative niche construction: memory ecologies and distributed narrative identities. *Biology & Philosophy*, Vol. 35, article no. 53.
9. Herman, D., 2018. *Narratology beyond the human: storytelling and animal life*. New York: Oxford University Press.
10. Maran, T. and Kull, K., 2014. Ecosemiotics: main principles and current developments. *Geografiska Annaler. Series B, Human Geography*, Vol. 96, no. 1, pp. 41–50.
11. Nöth, W., 1996. Ökosemiotik. *Zeitschrift für Semiotik*, Vol. 18, no. 1, pp. 7–18.
12. Shang, B., 2022. Towards a theory of nonhuman narrative. *Neohelicon*. <https://doi.org/10.1007/s11059-022-00628-y>
13. Szabo, P., 2010. Why history matters in ecology: an interdisciplinary perspective. *Environmental Conservation*, Vol. 37, no. 4, pp. 380–387.
14. Watkin, Ch., 2015. Michel Serres' great story: from biosemiotics to econarratology. *SubStance*, Vol. 44, no. 3, pp. 171–187.
15. Zellmer, A.J., Allen, T.F.H. and Kesseboehmer, K., 2006. The nature of ecological complexity: a protocol for building the narrative. *Ecological Complexity*, Vol. 3, no. 3, pp. 171–182.

